

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-153-170>

EDN: QSHSLN

Научная статья / Research Article

Роль правосудия в формировании исторической памяти

А.А. Васильев , М.А. Боловнев

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

anton_vasiliev@mail.ru

Аннотация. Право народов знать и помнить свою историю стало незыблемым. В современном полиинформативном мире знания и убеждения формируются из множества источников. Одним из нетрадиционных и мало описанных в литературе в данном контексте является судебный акт. В связи с чем определена цель доказать, что судебный акт может служить источником знаний, а судебные органы в различных формах влияют на формирование исторической памяти. Среди используемых методов: логико-исторический, позволивший уяснить тенденции, закономерности и приведший к отдельным выводам; метод индукции, позволивший обобщить эмпирический материал, сопровождаемый конкретными выводами и предложениями, метод анализа, основанный на рассмотрении роли отдельных стадий и функций судебных процессов, и др. Основные результаты выражаются в доказанности влияния судебных процессов на вопросы формирования исторической памяти, которое может быть как прямым, так и косвенным, выделение форм такого влияния и конфигурация перечня функций судебных органов в рамках рассматриваемой темы. В рамках состязательного процесса участники в зависимости от их процессуального статуса дают объяснения или показания, будучи вынужденными преследовать в процессе собственный интерес. Мысли и речи очевидцев исторических событий крайне важны для их восприятия будущими поколениями. Такие объяснения и показания находят свое закрепление в протоколах судебных заседаний и итоговых судебных актах. Их невозможно в силу наличия законной силы судебных актов вычеркнуть из истории.

Ключевые слова: судебный процесс, трибунал, судебные механизмы, история, историческая память, формирование памяти

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Васильев А.А.* – общая концепция, редактирование, введение, раздел 1, заключение; *Боловнев М.А.* – раздел 2, раздел 3.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

Поступила в редакцию: 12 сентября 2024 г.

Принята к печати: 15 января 2025 г.

Для цитирования:

Васильев А.А., Боловнев М.А. Роль правосудия в формировании исторической памяти // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 153–170. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-153-170>

The role of justice in shaping historical memory

Anton A. Vasiliev , Mikhail A. Bolovnev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

✉ anton_vasiliev@mail.ru

Abstract. The right of peoples to know and remember their history is inviolable. In today's information-rich world, knowledge and beliefs are shaped by many sources. One unconventional and underexplored source in this context is a judicial act. This study aims to demonstrate that judicial acts can serve as sources of knowledge and that judicial bodies influence the formation of historical memory in various ways. The methods employed include logical-historical analysis, which helps identify trends and patterns leading to specific conclusions; the inductive method, which allows to generalize the empirical material accompanied by concrete conclusions and proposals; and analytical methods that consider the roles of individual stages and functions within judicial processes. The main findings reveal the significant impact of judicial processes on the formation of historical memory, which can be both direct and indirect. The study identifies the forms of this influence and outlines the functions of judicial bodies relevant to the topic under consideration. Within the adversarial process, participants, depending on their procedural status, provide explanations or testimony while pursuing their own interests. The accounts and statements of eyewitnesses to historical events are crucial for how these events are perceived by future generations. Such explanations and testimonies are recorded in court hearing minutes and final judicial acts, which cannot be erased from history due to their legal authority.

Key words: Judicial process, tribunal, judicial mechanisms, history, historical memory, formation of memory

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: Vasiliev A.A. – general concept, editing, introduction, section 1, conclusion; Bolovnev M.A. – section 2, section 3.

Funding. The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-01416 for the project 'Memorial Law and Memory Politics: Theoretical and Legal Aspects', <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

Received: 12th September 2024

Accepted: 15th January 2025

For citation:

Vasiliev, A.A., Bolovnev, M.A. (2025) The role of justice in shaping historical memory. *RUDN Journal of Law*. 29 (1), 153–170. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-1-153-170>

Res judicata pro veritate habetur
(Судебное решение должно приниматься за правду)

Введение

В силу совершенно многогранного характера общественных отношений естественным образом наблюдаются противоречия мнений и взглядов, позиций и теорий. Как гласит классический тезис, ежедневно каждый из людей вступает в десятки и даже сотни правоотношений, которые не всегда могут реализовываться надлежащим

образом (Argunov, Borisova & Bocharova et al., 2014). В таком случае наблюдается противостояние идей и мыслей, приводящих к спорам о праве, выражающихся в препятствиях и помехах в реализации предоставленных гражданам прав¹.

Если же двое и более субъектов не могут договориться о порядке поведения, то решение многим видится в привлечении суда как органа государственной власти, способного определить и установить должное и надлежащее поведение.

Суд, будучи воспринимаемым членами общества собственно как орган государственной власти, в глазах многих олицетворяет собой и правотворческий орган (что отчасти справедливо), и как правоприменительный. Первое и второе во всей вариации используемых механизмов выражается в одном, но охватывающем многие, – выработка правил поведения. Последнее невозможно без еще одного ключевого механизма в рамках судебной деятельности – анализ социальной ситуации (Petrova, 2016).

При этом известно, что в рамках национальных моделей судебные органы зачастую являются юрисдикционными органами не только при разрешении споров о праве, но и для иных ситуаций, где отсутствует иной уполномоченный орган. Иллюстрацией является, в частности, особое производство в отечественном гражданском процессе.

Вышесказанное наталкивает на мысль об универсальности упомянутых механизмов с постановкой вопроса об иных сферах их применения.

Некоторыми же иными сферами применения может выступать реализация функции общей превенции. Рассмотрение исторических событий и их последствий в разных контекстах каждым государством способно привести к знанию и пониманию, которые, в свою очередь, потенциально могут предотвращать в будущем аналогичные события. Сохранение, фиксация памяти о жертвах неправомерных действий со стороны различных субъектов, констатация составов правонарушений могут послужить основаниями для исторического, юридического и политического диалогов. Ключевая роль в этом процессе должна, полагаем, принадлежать судам.

Так, в частности, аналогом особого производства в международной судебной деятельности может выступить необходимость согласовывать отдельные действия, направленные на объекты, имеющие межгосударственное значение. Например, известно, что в определенные периоды в Австралии наблюдались попытки добиться того, чтобы отсутствовали на территории городов памятники мореплавателям – первооткрывателям, в том числе Дж. Куку. Полагаем, целесообразно в связи с этим предложить механизм согласования с международным сообществом в лице наднациональных судебных органов подобного рода вопросов, влияющих на память и историю многих стран и наций, поскольку такие памятники можно назвать достоянием всеобщей истории. В свою же очередь негативные действия могут предопределить развитие истории в ином, отличном от текущего, русле.

Как следствие, будут обеспечиваться предпосылки для вариативности судебных механизмов.

При упоминании категории «судебный процесс» неизбежно производится «мысленная аффилиация» с отраслевой принадлежностью – конституционное, гражданское, арбитражное, административное, уголовное. Но что происходит при попытке добавить в целом стройные национальные судебные формы межгосударственный элемент? Известно, что судебный процесс, будучи формой разрешения

¹ Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессуальному праву. М., 1950. С. 11.

споров, противоречий, разногласий, неизбежно влияет на целый ряд сфер общественной жизни с выделением приоритетной составляющей – правовой. Однако на что именно влияет процесс, имеющей значение для более, чем одного государства? Без сомнения, первые пункты могут быть обозначены без затруднений: на правоприменительную практику, на обычаи, на совершенствование законодательства и пр. Но окончен ли в данном случае данный перечень? Полагаем, нет. В качестве гипотезы укажем на память индивидов и наций в целом. В дальнейшем ее предстоит верифицировать либо опровергнуть.

Влияние может быть как прямым, так и косвенным. Путь рассмотрения косвенного влияния заведомо дискусионен и не предполагает выделения с точки зрения правовых знаний однозначного вывода. Концептуально же установить взаимосвязь можно при исследовании прямого воздействия. Так, судебный акт, будучи юридическим фактом, безусловно влияет или должен повлиять на нарушенное право в части его восстановления. Презюмируется, что по результатам рассмотрения дела нарушенное право должно быть восстановлено. Если же утверждаем, что следует выделять и рассматривать субъективное право на историческую память, которое, как и многие иные может быть нарушено, то несложен вывод о возможности влияния судебных процессов на историческую память граждан и наций.

М. Хальбвакс писал: «Именно на конструирование социального пространства и социального времени, а не на фиксацию отдельных воспоминаний – „ориентиров“ должна быть направлена главная работа по формированию коллективной памяти» (Halbwachs, 2007).

Одним из первых к постановке вопроса подошел Р. Фориссон, по результатам публикаций которого Франция приняла ряд мемориальных законов по закреплению официальной политики памяти.

Одним из авторов, работавших по смежной тематике, является Н.Е. Копосов, издавший в 2011 г. труд «Память строгого режима: история и политика в России». Одним из научных результатов явились классификации мемориальных законов (Koposov, 2011).

Понятие «политика памяти» возникло только во второй половине прошлого столетия, что было связано с определенными тенденциями в развитии научного знания и осмысления происходящих в социуме процессов. В частности, постмодернисты, из которых необходимо выделить Р. Барта и М. Фуко, выдвинули теорию конструирования прошлого как суммы наиболее предпочитаемых представлений на государственном и общественном уровнях, необходимых для формирования социально-групповой идентичности (Dorskaya & Pashentsev, 2021). Одним из ключевых направлений в рамках дальнейших рассуждений является собственно определение в качестве одной из ипостасей истории рассмотрение последней как совокупности исторических событий. Без «суммы» таких событий не может быть и истории. А вот механизм установления указанных событий выступает предметом настоящего исследования.

Между тем данный предмет исследования в строго заданной формулировке, подразумевающей установление взаимовлияния трибуналов и механизма формирования исторической памяти учеными-правоведами, на монографическом уровне не исследовался.

Однако отдельные институты и иные элементы стали предметом рассмотрения ученых на страницах различных изданий. Так, И.Т. Касавин на высоком доктринальном уровне рассмотрел философские основы истины в статье «Истина: вечная тема и современные вызовы». В рамках юриспруденции вопросы истины рассматриваются многими, а в контексте международных судебных процессов в частности А.Ю. Ключников, опубликовавшим, например, статью «Право на истину в международном правосудии». Подробное исследование эмпирического материала и его обобщение провел М.М. Мубаракшин, изложив результаты в статье «Известные международные судебные процессы и их значение в формировании законодательства». Отдельные функции судебных органов рассмотрены Е.А. Петровой и изложены в работе «Механизм судебного правотворчества: понятие и особенности». Вопросами политики памяти занимаются А.А. Дорская, Д.А. Пашенцев, одним из наиболее весомых трудов на пространстве периодической печати является статья «Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств» (Dorskaya & Pashentsev, 2021).

На монографическом уровне одно из наиболее комплексных исследований проведено Е. Лёзиной в труде «XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы», в котором рассматриваются правовые механизмы и конструкции в рассматриваемой сфере на примере конкретных событий. Среди авторов, занимающихся исследованием зарубежного опыта, можно выделить А.Ю. Саломатина, опубликовавшем монографию «Верховный Суд США: Судебная правовая политика от Дж. Джея до Дж. Робертса».

В качестве новизны исследования выступает следующее. На пути сохранения исторической памяти на сегодняшний день основным правовым инструментом достижения цели является периодическое принятие нормативно-правовых актов различного характера. Тем самым реализуется официальная политика исторической памяти. Однако в нашем исследовании обосновывается расширение роли судов, судебных органов, трибуналов в фиксации, формировании и охране исторической памяти.

Возможность достижения истины по делу

Известно, что зачастую судебные процессы имеют одну конкретную задачу либо комплекс задач, объединенных единой идеей, как правило принадлежащей руководству страны либо группы стран. Наиболее иллюстративно это проявляется, безусловно, в истории послевоенного периода. Задачей военных трибуналов в рамках происходящего процесса «очищения от нацистских кадров» (Lezina, 2021) было определение круга ответственных за военные преступления лиц, привлечение их к уголовной ответственности и, как результат, выполнение целей военного командования. В целом достаточно понятные в контексте времени и реалий задачи. Однако выполнялась подспудно без осознания и формирования на долгий срок еще одна задача в части формирования исторической памяти. Собственно, в плоскости формирования.

Особенно это касается квазисудебных органов. Объясняется это тем, что такие могут формироваться на основании волеизъявления одного или нескольких руководящих органов государства. Сама процедура формирования более проста и менее формализована. «Военный губернатор наделялся правом „арестовывать и

удерживать под стражей до судебного разбирательства со стороны соответствующего квазисудебного органа, который должен был быть создан им же“» (Lezina, 2021:24). Но при этом в обществе благодаря этому формируется устойчивое мнение относительно участников и событий, дается им эмоциональный окрас. При этом мы не даем оценку ни первым, ни вторым. Мы лишь указываем на имманентно присущее и вытекающее последствие преподнесения сведений, перетекающих в общее мнение и «растекающееся» на десятилетия вперед.

Вопрос же истинности таких трибуналов остается открытым. Вряд ли можно «закрыть» данный вопрос в контексте трибуналов, если это не всегда представляется возможным сделать в плоскости ординарных судебных процессов. Как известно, традиционно выделяются две концепции истины: абсолютная и относительная. Первая традиционно заключается в том, что все явления природы и общества познаваемы, а следовательно, установить действительные события всегда с достоверностью допустимо. Вторая же зиждется на том, что суд является субъектом познания, осуществляемого опосредованно, с помощью различных средств, но с невозможностью однозначно утвердить, что истина достигнута. Справедливости ради стоит отметить, что все же эта теория более приемлема, поскольку при использовании средств доказывания суд может все больше и больше приближаться к истине, но судить о чем-либо как об объективном факте вряд ли представляется возможным. Более того, невозможным видится установление момента достижения такой истины, даже если это произошло.

В юридической литературе были высказаны разные точки зрения по вопросу о характере истины, устанавливаемой в результате рассмотрения конкретных гражданских и уголовных дел. В частности, ученые спорят о том, является ли истина, устанавливаемая в ходе судопроизводства, абсолютной или относительной? Так, в свое время А. Ривлин считал, что подобная постановка вопроса является следствием «механического перенесения философских понятий абсолютной и относительной истин в работу суда». Он полагал, что в результате уголовно-процессуальной деятельности устанавливается «материальная истина», которая не может быть отнесена ни к разряду абсолютных, ни к разряду относительных истин. Она является просто объективной истиной (Bonner, 2009:162).

Интересно данную дискуссию, в частности, предложенную С.В. Курылевым, комментировал А.Т. Боннер: «Кстати говоря, ни один из приведенных С.В. Курылевым примеров нельзя отнести к разряду абсолютных истин. Так, факт смерти Наполеона Бонапарта, хотя он, действительно, скончался 5 мая 1821 г., имеет ряд аспектов. Знание об этом факте, который, казалось бы, можно отнести к категории абсолютных истин, при определенных обстоятельствах может быть уточнено и дополнено. Нельзя забывать и о том, что речь идет об одном из немногих в истории человечества людей, малейшие детали жизни и смерти которого продолжают волновать потомков и оставаться темой многолетних дискуссий. В котором часу скончался низложенный император? Умер ли Наполеон естественной смертью от острой сердечной недостаточности, как записано в официальных документах, от рака желудка, как предполагают некоторые медики, либо был убит, в частности отравлен?

Как известно, в течение многих лет ученые – медики, химики и историки, а также рядовые обыватели обсуждают вопрос о том, умер ли Наполеон естественной смертью либо был отравлен? Причем для обоснования как одного, так и другого

вывода имеются определенные факты объективной действительности. Поэтому споры по данной проблеме не закончены и по сей день» (Bonner, 2009:162).

Стремление к установлению истины в процессе совсем не означает ее объективного достижения. Несмотря на широкую и несколько спорную трактовку принципа объективной истины, например, С.С. Алексеевым, который видит в этом принципе «требование, согласно которому решение правоприменительного органа должно полно и точно соответствовать объективной действительности», на практике в судах складывается несколько иная ситуация. Видимо, поэтому и практика, и наука, и законодатель отошли от констатации объективной истины как принципа. В действительности, как верно отмечает Н.И. Авдеев, «вывод, сделанный из конкретного правового исследования, может противоречить общей теории права не потому, что он является неправильным, а потому, что положение общей теории права сформулировано неточно, невсеобъемлюще. В таком случае возникает необходимость пересмотра или уточнения общей теории права и приведения ее в соответствие с выводом, сделанным из изучения какого-либо правового вопроса отдельной отрасли права» (Ryzhov, 2012:23).

Право на истину², представляя, на наш взгляд, такую форму влияния судебных процессов на историческую память как переформирование (изменение ранее существовавшей интерпретации исторических событий), в отличие от систем национального судопроизводства в международном праве имеет возможность существовать. Несмотря на крайне дискуссионный характер, следует выделить некоторые закономерности. Как правило, помимо вышеназванных ординарных целей становится еще одна – изменение наблюдаемого режима, чаще авторитарного. Следовательно, задачей является указание на как можно большее количество фактов. Казалось бы, как и в ходе любого другого процесса, суд является лицом, воспринимающим информацию опосредованно, что, собственно, является классической чертой доказывания. Однако в международном праве учитывается значение, фактически выражающееся в определении судьбы нации или наций, а не только нескольких индивидов, а также пристальное внимание мирового сообщества, что, в свою очередь, обуславливает скрупулезное отношение ко всем деталям, из которых складывается трибунал. Не всегда, но часто, особенно судебными, а не квазисудебными органами, исследуется не просто достаточный, а сверхдостаточный объем доказательственного материала, допрашивается широкий круг лиц, исследуются мнения и позиции, притом не одним судьей, а коллегией из большого числа судей, – словом, вероятность максимального приближения к истине, безусловно, повышается.

Можно ли в целом говорить о наличии такой задачи, как установление истины? Полагаем, да. Связано это с тем, что если в процессе гражданском роль арбитра заключается лишь в оценке доводов сторон и того, кто лучше из них со своей задачей справился, при сохранении наблюдательной позиции, то в процессе уголовном, тем более в рамках международных трибуналов, активность судей, очевидно, повышается. Коллегия в таком случае является не просто воспринимающим доказательства субъектом, но активным участником при рассмотрении и верификации фактов.

Юридическая техника, используемая органами ООН, достаточно сдержана в этом вопросе и продумана лицами, готовившими проекты. Встретить свободное

² Более подробно см. (Klyuchnikov, 2020).

упоминание категории «истина» достаточно затруднительно. Между тем используется термин «правда». Так, ст. 24 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений³ закрепляет следующую норму: «Каждая жертва имеет право знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, о ходе и результатах расследования и о судьбе исчезнувшего лица». Соотношение категорий «истина» и «правда» интуитивно определяется если не как синонимичное, то как близкое. В Толковом словаре истина определяется как то, что соответствует действительности, правда⁴. Несмотря на то что дефиниции во многих источниках различны, их объединяет критерий соответствия объективности, тому, что существовало. Таким образом, что существовало, то в целом и правда. Однако любая правда имеет субъективный элемент. Из правосудия не могут быть исключены субъекты, что и обуславливает наличие доли субъективности. Однако как цель истину вполне допустимо рассматривать.

Цель, очевидно, может быть как достигнута, так и не достигнута. Во втором случае ничего страшного также нет, поскольку все же более уместно говорить про судебную истину, которая достигается при полном всестороннем рассмотрении фактов и обстоятельств, сопряженном с точным и правильным применением норм права. В этом смысле судом происходит оценка фактов и обстоятельств с точки зрения пусть и субъективного, но проецирования норм международного и национального права на фактическую составляющую для понимания, что осталось за рамками совпадений и пересечений. Собственно, вовсе не задача судебного органа оценить исторические события. Задачей может являться определение того, что было на самом деле, а что нет. В последующем все это необходимо изложить в судебном акте, который фактически для общества будет являться источником знаний. А вот уже интерпретация установленных фактов, их оценка как исторических событий будет осуществляться учеными, авторами научных и методических трудов, специалистами различных сфер и областей и многими другими. Таким образом, мнения многих деятелей могут и должны оказываться различными, это нормальная ситуация плюрализма взглядов. Но при наличии достоверно подтвержденного перечня исторических вех.

Невозможно отрицать и то обстоятельство, что суд нередко выходит за пределы собственно воспроизведения той или иной ситуации, но и дает ей правовую и иную оценку, выражая государственную и (или) общественную точку зрения. Так, Нюрнбергский трибунал не только установил преступления нацистского режима, но и выразил точку зрения народов-победителей во Второй мировой войне на причины и сущность нацизма.

Функции судебных органов

Среди функций судов можно выделить: собственно рассмотрение и разрешение дел, определение правового положения субъектов, общая и частная превенция, содействие государственным органам, в некотором смысле контроль (косвенный) за деятельностью отдельных органов. Определение правового положения субъектов

³ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений // Принята резолюцией 61/177 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 2006 года.

⁴ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка // Сайт Грамота. Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar#> (дата обращения: 05.06.2024).

может носить всеобъемлющий характер, включающий определение гарантий, механизма реабилитации, компенсаций. Превенция может быть направлена и на минимизацию правонарушений любой направленности, в том числе умаление права на историческую память. Что касается функции по осуществлению контроля за деятельностью органов, то он, в частности, может распространяться на те, которые среди своих полномочий имеют связанные с объектами культурного наследия.

Несмотря на то, что вынесение судебного акта представляет собой юридический факт – действие, для всего общества – это события с тех воззрений, что все это реальные факты. В связи с этим перманентное разрешение дел влечет установление совокупности событий, которые спустя время становятся элементами истории. Именно таким образом судебные органы влияют на историю. А если же установленными средствами осуществляется пересмотр каких-либо фактов, то одновременно пересматривается и история.

Все названные, и не только, функции можно условно разделить на две группы: непосредственно связанные с отправлением правосудия и непосредственно не связанные с отправлением правосудия. То, что нами обсуждается, вероятно, следует отнести ко второй группе, поскольку зачастую, реализуя функции из первой группы, в частности рассмотрение и разрешение дел, суды и иные судебные органы могут влиять в той или иной форме, например, отправляя правосудие в соответствии с официально закрепленной правовой государственной концепцией, на формирование и переформирование (коррекцию) исторической памяти.

Данный вывод вытекает из анализа еще одной функции, входящей во вторую группу, – обращение с запросами в государственные органы, которые, в свою очередь, зачастую будучи административными, т.е. управляющими, реализуют функции государственной политики памяти. Отвечая на соответствующие запросы, предоставляют сведения судам. Далее в ходе формирования судебной практики определяется концепция исторической памяти. Связано это с тем, что, например, наднациональные судебные органы как таковой законодательной инициативой не обладают, но формируемая судебная практика имеет существенное значение для формирования общей правовой основы в части истории и исторической памяти.

В каком-то смысле суды фиксируют историческую память, однако, этот процесс носит реверсивный характер. В первую очередь те или иные обстоятельства могут быть использованы, например, как обстоятельства, не подлежащие доказыванию. В таком случае фактически признается, что какие-либо события имели место. Но ведь в контексте функций это может выглядеть иначе. Обстоятельства, являющиеся общеизвестными, на основании судебской дискреции таковыми могут быть не признаны, а сам суд может начать их исследование. Рассматривая таким образом дело, суд формирует также обстоятельство, в дальнейшем не подлежащее доказыванию, но не как общеизвестный факт, а факт, установленный ранее судом при рассмотрении аналогичного дела. В силу того, что решение судебного органа обладает, законной силой, означающей, что оно является обязательным для любого субъекта, на которое оно распространяется, происходит фиксация конкретного исторического события.

Вышеприведенные рассуждения обнаруживают функции судебных органов при рассмотрении подобного рода дел. Одной из таких функций, пусть и, безусловно, сопутствующих, факультативных, будет являться получение новых знаний. Вытекает это из того, что узкий, но при этом релевантный подход к определению истины,

обуславливает ее понимание как некое отношение между знанием и реальностью. Особую сложность представляет собственно определение того момента, когда верификация достигнута. Для этого приходят на помощь субъективные элементы: субъектно-предикатный механизм. Правоприменитель выступает уполномоченным для этого субъектом. В ходе же процесса рождается знание относительно объективного толка. В качестве источников – неизбежно исследуемые части реального мира: письменные и вещественные доказательства, аудио-, видеозаписи, объяснения сторон, показания свидетелей. В совокупности знание приобретает достаточно полный объем, который в будущем, может быть нарративно использован.

С этим непосредственно связывается вторая функция судебной деятельности в рассматриваемой «плоскости». Выше высказан тезис о том, что судебные органы зачастую не дают оценку историческим вехам, а в большинстве случаев оценивают правомерность деяний различных субъектов. В свою очередь, это позволяет говорить о том, что происходит не «арбитраж истории», а фиксация исторической памяти. Последняя и представляет собой искомую и упомянутую функцию. Историки могут быть сильны в поисковой и аналитической работе, однако, у них отсутствуют два главных инструмента: полномочия по собиранию доказательств и наделение судебных актов законной силой. Судебные же органы способны исследовать в ходе процесса те доказательства, которые частные субъекты не способны получить самостоятельно. Кроме того, их выводы необязательны для неограниченного круга лиц.

Интересную по конструкции мысль высказывают А.А. Дорская и Д.А. Пашенцев: «Если на протяжении веков исторические исследования были делом только профессионалов, которые имели доступ к архивным документам, могли изучать их и публиковать свои работы, то появление интернет-пространства, процесс цифровизации кардинальным образом изменили эту ситуацию» (Dorskaya & Pashentsev, 2021). В целом суждение подтверждает тезис о том, что итоговые судебные акты служат источником знаний, предполагая, со своей стороны, что судебные органы и являются тем самым упомянутым профессионалом.

Суд именуется правоприменителем. Правоприменение предполагает реализацию правовых норм в проекции к жизненным обстоятельствам. Фактически такое наложение является ничем иным как юридической квалификацией. В будущем судебный акт будет обоснованным, если выводы органа будут соответствовать фактическим обстоятельствам дела. Сами же обстоятельства должны быть установлены посредством исследования всех необходимых доказательств. Тем самым предпринимается попытка добиться определения реальных фактов. Реальность же коррелируется с приближением к исторической правде.

Сама историческая правда может сформирована либо переформирована. Это близко юридическим категориям «я» и «преобразования». Как известно, основаниями для этого служат юридические факты, которые порождают, изменяют либо прекращают правоотношения. В свою очередь, если благо в лице исторической памяти определяется нами как субъективное право, то такое право является частью содержания правоотношения, основаниями для возникновения или изменения служат юридические факты. Судебное решение, акты судебных органов выступают как раз соответствующими юридическими фактами. Следовательно, доказывается, что одной из функций, пусть и факультативных, выступает получение новых знаний об истории, которая в мыслях и образах индивидов и коллективных общностей будет укрепляться за счет транспарентности правосудия и веры в то, что установлено судебным органом, является правдой.

Вместе с этим стоит отметить, что комплексный подход к рассмотрению функций судебных органов имеет определенные изъятия. Так, вряд ли судебными и даже квазисудебными юрисдикциями может быть установлена истина или, другими словами, верифицировано, модального суждения, то есть дана критическая оценка с использованием моральных норм и этико-эстетических идеалов. В данном случае судебный акт служит предпосылкой к такой деятельности, олицетворяя в этом суть юрисдикционной деятельности и тем самым цементируя ее.

Наблюдается интересное дополнение различными элементами друг друга. Уже установлено, что судебный акт может быть воспринят как источник знаний. А также указано на возможность рассматривать в качестве цели установление истины. И если воспринять за основу некоторых суждений теорию Фомы Аквинского, то легко обнаруживается истина как форма всеобъемлющей гармонии. Интересно, в обществе никто не называет среди целей и задач деятельности судов гармонию, но, отправляя правосудие, восстанавливая нарушенные права и некую справедливость, суды тем самым обеспечивают гармонию общественной жизни. Это означает, что применительно к трибуналам и иным судебным, юрисдикционным органам также можно говорить об обеспечении гармонии. Как видим, суждения, основанные на формальной логике, подкрепляются социально-эмпирическими иллюстрациями, закрепляя высказанный тезис.

При высоком доверии в обществе (запросе на судебную справедливость) суды могут выполнять роль средства формирования исторической памяти, которая будет с лояльностью, воспринята в обществе. Так, процессы по реабилитации жертв политических репрессий в 1960–1980-е гг. в СССР зафиксировали репрессии как исторический факт. Эвентуально срабатывают качества правосудия: широкие возможности по доказыванию обстоятельств и обязательность и обоснованность решения суда.

Формы влияния механизмов судебной деятельности на историческую память

Достаточно тонким аспектом остается разграничение смыслового содержания категорий «восстановление права на память», «формирование памяти», «переформирование памяти», «искажение памяти». Из этого перечня, полагаем, необходимо выбрать целевые и имманентно сопутствующие. Связано это с тем, что достаточно самонадеянно полагать, что влияние будет осуществляться лишь на один объект и лишь исключительно итоговым судебным актом.

В этом несложно убедиться, взяв в качестве иллюстрации гипотезы один из наиболее известных обществу органов и известные в мировом сообществе исторические события, послужившие основанием для очень длительного судебного процесса. Речь идет о Международном трибунале, рассматривавшем дело Слободана Милошевича.

Основания данного трибунала не входят в предмет настоящего исследования. Между тем следует понять, оставил ли данный процесс какой-либо след в сознании общества в части их последующего восприятия исторических событий. На подобные мысли наталкивают некоторые высказывания отдельных журналистов, указывающих на то, что обвинение трибунала в данном процессе стремится переписать историю отдельных региональных событий. Представляется, что переписать конкретно в данном случае не представляется возможным, поскольку рассмотрение дела происходило спустя непродолжительный для истории промежутков времени после событий. Однако воздействовать на то, как эти события будут восприниматься

в будущем, открытым гласным публичным процессом, подразумевающим выступление государственных должностных лиц, а также исследование доказательств, свидетельствующих о попытке объективно оценить обстоятельства, сопровождающийся вынесением итогового акта, безусловно, возможно. Притом в режиме формирования памяти, если возвращаться к описанному выше перечню. Обществу свойственно ждать позиции судебного органа, квазисудебного, трибунала прежде, чем сформировать свое собственное мнение. Именно выраженные в акте трибунала выводы войдут в последующем в хроники истории и могут быть выражены в научных и учебных трудах.

В свою очередь учебники, первоочередно для организаций основного (общего) образования, являются основным средством формирования памяти общества, поскольку в школьные годы история познается преимущественно либо в образовательных организациях, либо посредством интервьюирования людей, осведомленных о различных событиях лично. При этом как учебники, так и граждане в первую очередь воспринимают информацию об исторических событиях тем объективнее, если по ней была высказана позиция специально учрежденного органа, коим являлся Международный трибунал по бывшей Югославии. Более того, учрежденный Советом безопасности ООН, роль которого достаточно велика, равно как и доверие к нему в части общественного мнения, например.

Следует сказать, что деятельность подобных органов может быть задействована и в направлении восстановления памяти. Цикл в целом используется тот же, с тем лишь условием, если изначально в учебной и научной литературе информация оказалась авторской, не в полной мере основанной на хронологических и иных объективных данных.

Описанная ситуация неизбежно приводит к конкуренции источников информации. В таком случае судебный процесс становится средством восстановления исторической правды, что тесно сопряжено с еще одной формой влияния процесса – корректировкой памяти. История предоставляет нам ряд примеров того, что такая форма требуется обществу. События с течением времени и появлением новых обстоятельств в сознании людей могут отражаться иначе. Судебный процесс в данном случае должен выполнять конституирующую функцию. Историческую правду уже требовалось восстанавливать после всемирно известных судебных Жанны д'Арк, Джордано Бруно, Галилео Галилея и некоторых других. Как известно, правильность действий судебных органов, рассматривавших действия указанных деятелей, не всегда оценивалась, более того, зачастую оставалась признанной. Взгляды же относительно их теорий и убеждений пересматривались волевыми актами правителей государств. В этом смысле наблюдается нарушение юридической логики, приводящей к невозможности объективно восстановить историческую правду и укрепить ее в сознании общества. Поэтому аналогичные выводы, закрепленные в судебном акте, способствовали бы укреплению искомой правды.

Следует заметить, что подобные судебные процессы могут выполнять также и информирующую функцию. Обладание информацией, в свою очередь, приводит к формированию памяти объективного толка. Вывод может быть проиллюстрирован с помощью, казалось бы, ныне всемирно известного явления – Холокоста. Историкам многое известно, однако до сих пор, например, не установлено истинное назначение гетто⁵.

⁵ Сайт Организации Объединенных Наций. Электр. дан. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2020/01/1347872> (дата обращения: 05.06.2024).

Известно, что одним из источников информации о расправах являлись документы немецких государственных органов. Судебный процесс в таком случае может стать «официальной площадкой» и формой исследования доказательств и, в свою очередь, предпосылкой установления судебной истинности относительно тех или иных фактов, связанных с данным явлением.

Полагаем, прав М.М. Мубаракшин, считающий, что историческое и практическое значение известных процессов в государствах состоят в их неповторимости и уникальности, и следующий судебный процесс можно по праву считать уникальным (Mubarakshin, 2014). Связано это с тем, что подобные судебные процессы не выстроены в единую систему, по ним не могут быть сформулированы общие универсальные правила их проведения. Сами судебные органы не встроены в единую национальную либо наднациональную систему. Органы их учреждающие различны. Отсюда в качестве промежуточного итога можно утвердить, что значение судебных процессов в механизме формирования исторической правды не предполагает заранее установленной и сформулированной роли в механизме влияния. В большинстве случаев она определяется *Postfactum*.

Однако, как указывают А.А. Дорская и Д.А. Пашенцев, если посмотреть на процессы определения и реализации официальной политики памяти с точки зрения общественного развития, то история может служить как объединяющим, так и разъединяющим общество началом (Dorskaya & Pashentsev, 2021). Не оспаривая справедливость тезиса, в свою очередь заметим, что суть рассматриваемых явлений как раз в том, чтобы один орган, коим может быть судебный, притом международный, выступил тем, кто выполняет объединяющую функцию.

Стоит отметить, что значение подобных процессов не стоит идеализировать, даже в теории. Проблемы формирования благодаря им того или иного образа о событиях также присутствуют, а сам механизм неидеален. В зависимости от инициаторов, органов, определенной избирательности при выборе оснований процесс может быть достаточно «однобоким», в ходе которого сторона обвинения может указывать лишь на отдельные события в отрыве от всего комплекса. Далеко не все дела собственно доходят до трибуналов. По результатам некоторых из них может закрепляться лишь одна из версий событий. В целом небезосновательно Human Rights Watch, комментируя известные события 1990-х гг. в Руанде, указывают: «То, что трибунал занимался в основном хуту, используется дальше правительством Поля Кагаме для политики одной памяти». Правда согласимся с К. Коротеевым, утвердившим, что это вопрос не к трибуналу, а к действующим властям Руанды, которые используют практику трибунала в своих целях⁶.

Представления об истории всегда субъективны, отдельные вехи воспринимаются, анализируются, интерпретируются и преподносятся конкретными индивидами, имеющими собственные взгляды. Вся история, хотим мы того или нет, выражена словами, которые являются формой существования мыслей⁷. Однако наложение слов на характеристику событий – не что иное как квалификация. В свою очередь, квалификация требует точного обращения с терминами. Единство мнений, во всяком случае, основывается на унифицированном использовании юридических категорий, не допускающем произвольного толкования. В данном случае значение

⁶ Коротеев К. Европейский Суд по правам человека и историческая память. Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/articles/evropejskij-sud-po-pravam-cheloveka-i-i> (дата обращения: 05.06.2024).

⁷ См. (Mysliviets & Romanov, 2018; Repina, 2012; Filyushkin, 2023).

деятельности судебных органов, трибуналов заключается в том, что именно они, рассматривая и разрешая те или иные дела, дают толкования юридическим категориям, которое и должно в последующем использоваться при написании монографий, учебников и иных научных и методических изданий.

Международные судебные процессы для всемирной истории выполняют еще одну очень важную функцию, которую вряд ли с той же степенью успешности могут выполнить иные виды деятельности. Речь идет о фиксации мнений участников рассматриваемых событий, которые на века в будущем войдут в различные «летописи». Связано это с тем, что в рамках состязательного процесса участники в зависимости от их процессуального статуса дают объяснения или показания, будучи вынужденными преследовать в процессе собственный интерес. Мысли и речи очевидцев исторических событий крайне важны для их восприятия будущими поколениями. Такие объяснения и показания находят свое закрепление в протоколах судебных заседаний и итоговых судебных актах. Их уже невозможно в силу наличия законной силы судебных актов вычеркнуть из истории. А поскольку международные судебные процессы зачастую достаточно открыты для прессы, а также принцип гласности проявляется и в публикации выводов судебных органов, то такие изречения с легкостью становятся достоянием общественности и могут быть использованы при формировании исторической памяти.

Заключение

Несмотря на неоднозначность и дискуссионный характер многих сформулированных в настоящей работе предположений, присутствует и объективная составляющая. Так, очевидно и известно, что в Израиле в 1986 г. был принят закон, устанавливающий ответственность за отрицание Холокоста.

В 1996 г. состоялась Директива Европейского Союза, предусматривавшая необходимость введения в странах-участниках за публичное оправдание преступлений, являвшихся предметом рассмотрения Нюрнбергского трибунала.

В 2008 г. Совет Евросоюза принял Решение «О борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права».

Данные единичные примеры из множества позволяют в целом объективно судить о существовании нормативного массива по рассматриваемым вопросам. И если, как указано выше, многое дискуссионно, то на начальном этапе вполне реально судить о становлении подобного механизма. В качестве же стартовой предпосылки выступает следующее. Если наблюдается существование нормативно-правовых актов, то с точки зрения комплексности реализации норм права должно быть и правоприменение. Оно, в свою очередь, обеспечивается судебными органами.

Упомянутые примеры демонстрируют, что фактически такие органы способны быть наделенными конкретными функциями. В частности, контрольной функцией. Контроль может осуществляться в части достижения задач принятия того или иного акта, тем более что те, которые принимаются органами Евросоюза и иными аналогичными, таковые содержат.

Само по себе возможность выделения в функциях судов контрольных функций далеко не однозначно. В большинстве случаев требуется разрешить уже возникший спор того или иного характера. Несмотря на справедливость в целом утверждений тех, кто полагает, что у судов отсутствует подобная функция, следует отметить, что

это подход, который можно именовать узким: даже на территории одного государства существуют судебные системы, наделенные контрольными функциями, а тем более в различных государствах наделение соответствующими полномочиями суды происходит.

На наднациональном уровне если подобное направление и выделять, то, вероятно, целесообразно именно у судебных органов как у наиболее независимых, беспристрастных и компетентных юрисдикций.

В ряде стран Восточной Европы законодательно установлены запреты на действия по отрицанию преступлений против прав и свобод граждан. У таких актов есть одна закономерность: преимущественно они связываются с периодом Второй мировой войны. Однако можно предположить, что массив нормативно-правовых актов будет лишь увеличиваться, тем более что период можно начать отсчитывать и с более ранних событий. Все это лишь предопределяет вектор развития наднациональных судебных систем, убеждая в необходимости серьезного обсуждения данных вопросов.

В подтверждение можно указать, что, например, Арменией было сформулирована необходимость признания геноцида армян в Османской империи во время Первой мировой войны. Полагаем, что исключительно трибуналы допустимо наделить подобной компетенцией для рассмотрения как максимально объективным участником таких требований.

Очередное подтверждение тому заключается в понимании невозможности решать отдельные вопросы лишь одной страной, вопросы, которые должны решаться судебными органами. Так, невозможно, например, допустить ситуацию, чтобы одно государство решало, возможно или невозможно судить его граждан иными государствами за отдельные преступления. В каждом конкретном случае недопустимо усмотренчески решать подобные вопросы, требуется системный подход. Одновременно с этим нельзя и отрицать самостоятельность государств в решении отдельных, не менее важных, вопросов национального толка.

В настоящее время в процессе разработки находятся некоторые конвенции и хартии по различным вопросам, в том числе по вопросам охраны памятников на территории различных государств. Соответственно, для этих актов требуется и правоприменительный орган.

Многие страны по тем или иным историческим вопросам инициируют трибуналы и судебные процессы. Однако отсутствует четкий и понятный механизм создания и функционирования. Вместе с этим неизменно одно, во всяком случае требуется соблюдать права и свободы естественного характера и предусмотренные международными актами.

Наконец, не стоит забывать, что поднимаемые в настоящей работе вопросы составляют суть науки и научного творчества. По этой причине в научных же источниках описывается угроза того, что расширение массива нормативных актов с соответствующим предметом ограничит свободу научного выражения мнений. Вот в том числе это, а именно недопущение применения необоснованных ограничений, могут контролировать создаваемые судебные и, возможно, даже квазисудебные органы.

Как итог, по результатам исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

Судебный орган можно представить как средство познания исторических событий. Связано это с тем, что вынесение решения возможно только по результатам

юридической квалификации, т.е. сопоставления реальных событий и норм права. Поэтому установление событий – одна из двух «ключевых половин» судебной деятельности. Также эти события, по возможности, должны быть установленными как реальные. В связи с этим достоверность повышается в силу исследования значительного числа используемых доказательств. И, возможно, достигнуть объективной истины невозможно, в силу реализации ряда процессуальных принципов, искомая достоверность фактов повышается. Затем они фиксируются в описательной части судебного акта. Сам судебный акт при таких условиях позиционируется как источник знаний. Будь то знаний о конкретном лице или какой-либо эпохе. Все это часть истории, которая исследуется судом вне зависимости от категории дел. В немалой степени значение судебного акта в фиксации и преобразовании исторической памяти определяется его свойством юридической обязательности. Публичность и доступность судебных актов позволяют обратиться к их содержанию широкому кругу лиц.

При этом одной из основных функций судов установлено не только формирование исторической памяти, но и ее преобразования в части восстановления. Это происходит тогда, когда сформированные исторические знания об эпохе спустя годы становятся предметом рассмотрения создаваемых трибуналов либо реабилитации судебными органами после осуществленной репрессии. Тогда суду необходимо закреплять юридические факты, способные породить те или иные правоотношения, которые носят отличный характер от предшествующих периодов. Кроме того, может происходить интерпретация исторических знаний судебными актами в зависимости от стоящих перед государством в целом и судебной властью в частности официальных задач.

Историческая правда сама по себе представляет собой особое благо, представляющее огромную ценность как для индивидов, так и для коллективных общностей. Поскольку это благо, имеющее ценность, то одновременно же оно выступает как субъективное право. Как и любое право, данное подлежит охране, в том числе в форме судебной защиты. Таким образом, рассматривая дела различных категорий, в рамках которых требуется устанавливать исторические события, суды выступают юрисдикционными органами, осуществляющими защиту права на историческую правду.

References / Список литературы

- Argunov, V.V., Borisova, E.A. & Bocharova, N.S. et al. (2014) *Civil process*. Treushnikov, M.K. (eds.). Moscow, Statute Publ. (in Russian).
Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 960 с.
- Bonner, A.T. (2009) *Problems of establishing the truth in civil proceedings: monograph*. Saint Petersburg, Legal Book Publ. (in Russian).
Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография / СПб. : Юридическая книга, 2009. 832 с.
- Dorskaya, A.A. & Pashentsev, D.A. (2021) Official Memory Policy: A Comparative Analysis of Legislation and Judicial Practice of Modern States. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 17(6), 5–15. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.061> (in Russian).
Дорская А.А., Пашентцев Д.А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 5–15. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.061>

- Halbwachs, M. (2007) *Social Framework of Memory*. Moscow, New publishing house Publ. (in Russian).
Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007. 346 с.
- Klyuchnikov, A.Yu. (2020) The Right to Truth in International Justice. *LexRussica*. 73(12), 106–117. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.169.12.106-117> (in Russian).
Ключников А.Ю. Право на истину в международном правосудии // *LexRussica*. 2020. Т. 73. № 12. С. 106–117. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.169.12.106-117>
- Koposov, N.E. (2011) *Memory of the Strict Regime: History and Politics in Russia*. Moscow, New Literary Review. (in Russian).
Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.
- Lezina, E. (2021) *The 20th Century: Working Through the Past. Transitional Justice Practices and Memory Politics in Former Dictatorships. Germany, Russia, Central and Eastern European Countries*. Moscow, New Literary Review Publ. (in Russian).
Лезина Е. XX век: Проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М. : НЛЮ, 2021. 803 с.
- Mubarakshin, M.M. (2014) Famous international trials and their importance in the formation of legislation. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. (4), 164–167. (in Russian).
Мубаракшин М.М. Известные международные судебные процессы и их значение в формировании законодательства // *Вестник экономики, права и социологии*. 2014. № 4. С. 164–167
- Myslivets, N.L. & Romanov, O.A. (2018) Historical memory as a socio-cultural phenomenon: the experience of sociological reconstruction. *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 18(1), 9–19. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19> (in Russian).
Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Вып. 18 № 1. С. 9–19. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>
- Petrova, E.A. (2016) The mechanism of judicial lawmaking: concept and features. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 3. P. 16 – 23. (in Russian).
Петрова Е.А. Механизм судебного правотворчества: понятие и особенности // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. № 3. С. 16–23.
- Repina, L.P. (2012) Experience of social crises in historical memory. In: *Crises of turning points in historical memory*. Moscow, IVI RAS Publ. pp. 3–37. (in Russian).
Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // *Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной*. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
- Ryzhov, K.B. (2012) *The principle of free evaluation of evidence and its implementation in civil proceedings*. Moscow, Infotropic Media Publ. Series “Civil and arbitration proceedings: new names & new ideas”. (in Russian).
Рыжов К.Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2012. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 8. 240 с.
- Filyushkin, A.I. (2023) “To Make Known”: Historical Memory, Historical Policy, and Monuments of History of the Russian Empire. *Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. 22(8), 70–80. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-70-80> (in Russian).
Филюшкин А. И. «Сделать известным»: историческая память, историческая политика и памятники истории Российской империи // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22. № 8. С. 70–80. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-8-70-80>

Сведения об авторах:

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Академии военных наук; 656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр-т Социалистический, д. 68, каб. 315

ORCID: 0000-0003-3122-531X, SPIN-код: 9404-3717

e-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Боловнев Михаил Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра трудового, экологического права и гражданского процесса, Алтайский государственный университет; 656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр-т Социалистический, д. 68, каб. 202а

ORCID: 0000-0002-1797-2936, SPIN-код: 5585-7393

e-mail: slovak92@mail.ru

About the authors:

Anton A. Vasiliev – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Altai State University; 68, Sotsialisticheskiy prospekt, Barnaul, 656049, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3122-531X, SPIN-code: 9404-3717

e-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Mikhail A. Bolovnev – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Altai State University; 68, Sotsialisticheskiy prospekt, Barnaul, 656049, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1797-2936, SPIN-код: 5585-7393

e-mail: slovak92@mail.ru